СЕРГЕЙ
КАРА-МУРЗА

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

Сергей Георгиевич Кара-Мурза
Гражданская война в России
Серия «Узлы российской истории»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6714776
Гражданская война в России / Сергей Кара-Мурза.: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0731-7

Аннотация

Сергей Георгиевич Кара-Мурза, известный российский историк и публицист, в своих книгах затрагивает самые сложные и болевые периоды нашего прошлого. Произведения С. Г. Кара-Мурзы отличаются большим количеством разнообразного фактического материала и глубоким его анализом. В книге, представленной вашему вниманию, автор пишет о Гражданской войне в России (1918—1921). По общему мнению исследователей, она стала для российского государства катастрофой, которая предопределила многие стороны нашей жизни в XX веке. Но в связи с этим возникают вопросы, на которые С. Г. Кара-Мурза пытается ответить в своей книге: в какой мере на начало Гражданской войны повлияли разные цивилизационные подходы к дальнейшему развитию России; какую роль сыграл социальный расизм влиятельной части российской элиты; была ли эта война исключительно классовой и

революционной или носила еще и национально-освободительный характер? Эти и другие важные «срезы» Гражданской войны рассматриваются С. Г. Кара-Мурзой вне рамок «красной» или «белой» идеологии; для автора важны объективные выводы, имеющие значение не только для истории, но и для будущего России.

Содержание

Введение 5
Глава 1 12
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Сергей Георгиевич Кара-Мурза Гражданская война в России

Введение

Важнейшим испытанием XX века, когда наш народ был снова, как и после Февраля 1917 г., поставлен перед выбором, стали *Гражданская война* и *иностранная интервенция* 1918—1921 гг.

Война – самое крайнее, острое выражение политики, когда выявляется суть всех институтов государства, политических движений и программ. Война – эксперимент над государством и обществом, открывающий современникам и историкам важное знание. Советское государство прошло через две тотальные войны, когда столкновение с противником было совершенно непримиримым. Первой была Гражданская война 1918—1921 гг., сопряженная с иностранной военной интервенцией. Вторым испытанием было нашествие целой европейской орды, собранной фашистской Германией, на которое СССР ответил Отечественной войной.

Однако наша Гражданская война была неразрывно связана с войной за *независимость* России – войной против интервенции Запада. Роль Запада в порождении Гражданской войны у нынешних поколений как-то недооценивается, а это – важнейший фактор на первом этапе советской истории. В то время роль Запада была всем очевидна. Ленин говорил 2 декабря 1919 г. как о вещи общеизвестной: «Всемирный империализм, который вызвал у нас, в сущности говоря, Гражданскую войну и виновен в ее затягивании…»

(Соч., т. 39, с. 342). Вальтер Шубарт писал в книге «Европа и душа Востока»: «С 1914 года мы вошли в столетие западно-восточной войны». В 1918—1921 гг. Запад вел ее в основном руками российских «белых», а потом руками поляков.

Гражданская война – катастрофа более страшная, чем война с внешним врагом. Она раскалывает народ, семьи и даже саму личность человека, она носит тотальный характер и наносит тяжелые душевные травмы, которые надолго предопределяют жизнь общества. Поскольку в гражданской войне нет тыла, она разрушает всю ткань хозяйства, все жизнеустройство в целом. В ходе Гражданской войны в России погибло несколько миллионов человек (количественные оценки резко различаются). Подавляющее большинство погибших потеряли жизнь не от «организованного насилия» – на поле боя или от репрессий,– а от голода, болезней и особенно эпидемий (тифа), а также от «молекулярных», местных

конфликтов, не связанных с целями воюющих сторон.

Гражданская война самым страшным образом повлияла на весь дальнейший ход событий нашей истории. Она довершила разрушение хозяйства, подорванного мировой войной, и отбросила страну в состояние крайней материальной скудости, повлиявшей на все стороны жизни и мышление. Форсированное промышленное развитие («за десять лет то, что другие страны сделали за сто лет»), необходимое для выживания в войне, привело, образно говоря, к переутомлению народа, которое сказывается и сейчас.

Эта война привела к истреблению большой части самых энергичных, активных и образованных людей с обеих сторон баррикады и надолго предопределила страшный кадровый голод. Это привело, среди прочего, к ужесточению и упрощению системы управления всеми общественными процессами (как говорили, к «бюрократизации», хотя это слово надо понимать как метафору, речь шла именно об упрощении и огрублении, к замене знаний и навыков простыми инструкциями и запретами). Перевод в 1918 г. всей жизни советского общества на военные рельсы придал ей черты «казарменного» уклада и привел к крайнему огосударствлению, из которого оказалось невозможно выйти за срок, отпущенный историей до новой войны. Это убило значительную часть творчества масс, прежде всего те структуры самоуправления трудящихся, в которых мог раскрыться огромный потенциал российской общинной культуры. Из Гражданской войны вы-

росли жесткость, суровость и склонность к грубому разрешению противоречий, которые очень дорого обошлись нам и продолжают дорого обходиться и сегодня.

Эта книжка – не рассказ о ходе Гражданской войны, о боях, бедствиях и преступлениях. Это – размышления о тех противоречиях, которые в ходе этой войны решались, о причинах, приведших к катастрофе братоубийства, и о смысле того выбора, который и предопределил исход войны. Писать об этом приходится потому, что, как показал опыт последних пятнадцати лет, мы в целом не поняли ни этих причин, ни этого выбора. Официальная советская история как будто «берегла» нас от тяжелых размышлений и кормила упрощенными, успокаивающими мифами. И мы не вынесли из той войны исторического урока, который она в себе заключала,– и остались сегодня у разбитого корыта. Необходимость раскопок видна уже из того, с каким лихорадочным старанием знание о Гражданской войне забрасывают сегодня грязью антисоветских мифов.

Наш народ прижимают в угол, речь уже идет о гибели или спасении. Все зависит от того, как быстро мы сможем восстановить трезвое мышление и определить, хотя бы грубо, то направление, по которому надо выбираться из ямы. Исторические уроки тут не решают всего дела, но они очень помогают решению. Гражданская война – один из самых дорогих уроков, и он не должен пропасть.

В этой книжке я выделил бы следующие главные вопросы.

• Гражданская война как «война Февраля с Октябрем» – продолжение военными средствами противостояния между двумя революционными проектами России, означавшими два разных цивилизационных пути.

• «Мирные инициативы» рабоче-крестьянской России после Февраля 1917 г. Почему они были отвергнуты «белой костью»?

• Социальный расизм влиятельной части российской элиты и ответ «низов»; роль культурных факторов в разжигании Гражданской войны.

• Значение революции 1905—1907 гг. как «университета» Гражданской войны.

• Гражданская война и восстановление единства России (СССР).

• Почему Белое движение было обречено.

Таким образом, ограничим вопрос, который будет рассмотрен в книге.

Гражданская война была сложным конфликтом множества сил с разными интересами и идеалами. Мы здесь рассмотрим лишь один конфликт – между *белыми* и *красными*. Участие в Гражданской войне остальных сил лишь слегка затронем. Это, конечно, сильно упрощенный подход, но с него придется начинать, чтобы не запутаться в слишком сложной системе. Выводы будут огрубленными, но, считаю, в первом приближении верными. От каких же важных «срезов» Граж-

данской войны мы отвлечемся или рассмотрим их в слишком кратком виде?

Прежде всего не будем рассматривать прямую военную интервенцию Запада и Японии. Примем ее как фактор «внешней среды», усугубляющий наш внутренний конфликт.

Сюда же можно отнести интервенцию Польши, которая вызвала крупномасштабную и тяжелую *межгосударственную* войну. Не будем мы останавливаться и на войне Красной Армии с силами антисоветских антироссийских националистических движений, которая происходила практически на всех западных окраинах, на Кавказе и в Средней Азии.

Во-вторых, не будем рассматривать роли исключительно важного, но лежащего вне плоскости войны белых и красных фактора – движения *«зеленых»*. Это, в основном крестьянское, движение определенно было *антилиберальным,* то есть несовместимым с программой Белого движения. Но оно находилось и в оппозиции к программе *модернизации,* лежащей в основе советского проекта. Во многом идейными установками «зеленых» были вдохновлены восстания против Советской власти, происходившие на исходе Гражданской войны (в Кронштадте, Сибири, в Тамбовской губернии и др.).

Наконец, отвлечемся от того глубокого, хотя во многом скрытого конфликта, который возник в самом лагере красных и был вызван некоторыми важными несовместимыми

представлениями о России (а также о ее месте в мире) у большевиков-«космополитов» и большевиков-«почвенников». Главное, весьма кровопролитное, столкновение между этими течениями произошло позже, в 30-е годы и особенно в 1937—1938 гг.

Вновь подчеркну, что исключение этих важных составляющих Гражданской войны из рассмотрения значительно обедняет и огрубляет картину – но не вносит недопустимых искажений в главные выводы относительно того конфликта, который самым прямым и срочным образом определял путь развития России-СССР в XX веке.

Глава 1
Русская революция и путь Российской цивилизации

Между Февралем и Октябрем 1917 г.: суть выбора и предпосылки войны

Начало марта 1917 г.– праздник революции. Но то, что главный спор – впереди, чувствовалось всеми, кто наблюдал развитие этого спора, начиная с крестьянских восстаний 1902 г. 3 марта 1917 г. Валерий Брюсов написал стихотворение «В мартовские дни». Оно все полно смысла и предчувствий.

Приветствую Свободу!.. Свершился приговор!..
Но знаю, не окончен веков упорный спор,
И где-то близко рыщет, прикрыв зрачки, Раздор.

Наше общепринятое представление о гражданских войнах сильно деформировано официальным советским (а теперь и антисоветским) обществоведением. Поэтому мы даже при нынешней крайней нестабильности легко и беззаботно проглатываем совершенно ложные утверждения политиков.

Вспомним, например, важное выступление Б.Н.Ельцина по телевидению 14 марта 1991 г. Он сказал тогда: «Не надо опасаться гражданской войны, потому что у нас нет противоречий между социальными слоями». А в ноябре 1993 г., после кровавых событий 3—4 октября, он же говорит: 6—7 октября в стране должна была начаться гражданская война, и, дескать, лишь при помощи расстрела Дома Советов ее удалось предотвратить. И оба эти ошибочных заявления принимаются значительной частью общества как вполне убедительные.

Говоря об угрозе войны, обычно упирают на чисто *классовые* причины, говорят о войне за *собственность*. На деле классовые интересы – лишь фон. Страшная гражданская война в США – насколько она была классовой? И почему в нашей Гражданской войне офицерство, выходцы из одного и того же класса, разделилось между красными и белыми ровно пополам? Сам вид крови соотечественника становится важнейшим фактором войны, по сравнению с которым часто бледнеет исходная причина. Важно умело разжечь первый очаг пожара. Босния – пример искусственного, почти лабораторного разжигания войны вообще без классовых предпосылок. Думаю, в истории вообще не было гражданских войн, вызванных «противоположными классовыми интересами трудящихся и эксплуататоров». Воюют не из непосредственно понимаемого классового интереса, а *«за правду»*.

Гражданская война в России была порождена не только

классовым, но и *цивилизационным* конфликтом – по вопросу о том, как надо жить людям в России, в чем *правда* и *совесть*. В важной работе П.А.Сорокина «Причины войны и условия мира», опубликованной в 1944 г., он пишет:

> Гражданские войны возникали от быстрого и коренного изменения высших ценностей в одной части данного общества, тогда как другая либо не принимала перемены, либо двигалась в противоположном направлении. Фактически все гражданские войны в прошлом происходили от резкого несоответствия высших ценностей у революционеров и контрреволюционеров. От гражданских войн Египта и Персии до недавних событий в России и Испании история подтверждает справедливость этого положения[1].

Февральская революция сокрушила одно из главных оснований российской цивилизации – ее государственность, сложившуюся в специфических природных, исторических и культурных условиях России. Тот факт, что Временное правительство, ориентируясь на западную модель либерально-буржуазного государства, разрушало структуры традиционной государственности России, был очевиден и самим пришедшим к власти либералам. Французский историк Ферро, ссылаясь на признания Керенского, отмечает это *уничтожение российской государственности* как одно из *важнейших явлений* Февральской революции.

Напротив, рабочие организации, тесно связанные с Со-

ветами, стремились укрепить *государственные* начала в общественной жизни в самых разных их проявлениях. Меньшевик И.Г.Церетели писал тогда об особом *«государственном инстинкте»* русских рабочих и их *«тяге к организации»*. При этом организационная деятельность рабочих комитетов и Советов определенно создавала модель государственности, альтернативную той, что пыталось строить Временное правительство. Историк Д.О.Чураков пишет:

> Революция 1917 г., таким образом, носила не только социальный, но и специфический национальный характер. Но это национальное содержание революции 1917 г. резко контрастировало с приходом на первые роли в обществе либералов-западников. Что это могло означать для страны, в которой национальная специфика имела столь глубокие и прочные корни? Это означало только одно – рождение одного из самых глубоких социальных конфликтов за всю историю России. И не случайно эта новая власть встречала тем большее сопротивление, чем активнее она пыталась перелицевать «под себя» традиционное российское общество [2, с. 77].

Народ России в разгар войны был расколот примерно пополам (значит, не по классовому признаку). В армии Колчака, например, были воинские части из ижевских и боткинских рабочих – разве они считали, что воюют против рабочего класса? Очень важен для понимания характера конфликта раскол культурного слоя, представленного офицерством ста-

рой царской армии. В Красной Армии служили 70—75 тыс. этих офицеров, т.е. 30% всего старого офицерского корпуса России (из них 14 тыс. до этого были в Белой армии). В Белой армии служили около 100 тыс. (40%) офицеров, остальные бывшие офицеры уклонились от участия в военном конфликте.

В Красной Армии было 639 генералов и офицеров Генерального штаба, в Белой – 750. Из 100 командармов, которые были в Красной Армии в 1918—1922 годах, 82 были ранее «царскими» генералами и офицерами. Можно сказать, что цвет российского офицерства разделился между *красными* и *белыми* пополам. При этом офицеры, за редкими исключениями, вовсе не становились на «классовую позицию» большевиков и не вступали в партию. Они выбрали *красных* как выразителей определенного цивилизационного пути, который принципиально расходился с тем, по которому пошли *белые.*

Чистым, почти экспериментальным случаем можно считать политику *меньшевиков,* которые пришли к власти в Грузии. Руководил ими талантливый марксист Жордания, в прошлом член ЦК РСДРП (кстати, как и Сталин, исключенный из духовной семинарии). В отличие от меньшевиков в России, Жордания в Грузии убедил партию не идти на коалицию с буржуазией и взять власть. Сразу была образована Красная гвардия из рабочих, которая разоружила солдатские Советы, которые поддерживали большевиков (в этих Советах

русские были в большинстве).

В феврале 1918 г. эта Красная гвардия подавила демонстрацию большевиков в Тифлисе. Само собой, турки пошли в наступление, легко разбили грузин, и тем пришлось призвать на помощь немецкую армию, а потом и британскую. Какова же была внутренняя политика правительства Жордании? Типично *социалистическая.* В Грузии была проведена стремительная аграрная реформа – земля помещиков конфискована без выкупа и продана в кредит крестьянам. Затем национализированы рудники и почти вся промышленность (по найму у частных собственников к 1920 г. в Грузии работало всего 19% занятых). Была введена монополия на внешнюю торговлю.

Таким образом, возникло типично социалистическое правительство под руководством марксистской партии, которое было непримиримым врагом Октябрьской революции. И это правительство вело войну против большевиков. Как это объясняется? Жордания объяснил это в своей речи 16 января 1920 г.:

> Наша дорога ведет к Европе, дорога России – к Азии. Я знаю, наши враги скажут, что мы на стороне империализма. Поэтому я должен сказать со всей решительностью: я предпочту империализм Запада фанатикам Востока! [3, с. 533]

Дело, конечно, не в речи. Важнее, например, что Жордания, следуя ортодоксальному марксизму, считал крестьян-

ство частью буржуазии, и аграрная реформа свелась к приватизации земли на началах чистого индивидуализма и с сознательным подрывом всяких общинных отношений в деревне.

Другим примером может служить Юзеф Пилсудский, ставший диктатором Польши и начавший, под давлением Антанты, войну против Советской России в 1920 г. Он был революционером и социалистом, поклонником Ф.Энгельса, руководителем Польской социалистической партии. Но главным пунктом в его политической программе была «глубокая ненависть к России». Он был сослан по тому же делу о подготовке покушения, по которому был казнен брат Ленина Александр Ульянов. Находясь в ссылке в Сибири, он, по его признанию, «вылечился от остатков тогдашнего русского влияния, очистился для западноевропейского влияния». В 1895 г. он написал брошюру «Россия», в которой говорит почти дословно то же самое, что говорили наши демократы спустя сто лет, в начале 90-х годов XX века. Даже не верится, как можно с такой точностью повторять старые тезисы.

Кстати, чтобы знали нынешние украинские патриоты, правовым основанием для войны против РСФСР Пилсудский считал подписанный 21 апреля 1920 г. тайный договор с С.Петлюрой, которого сегодня так чтят наши украинские друзья. Петлюра был интернирован в Польше и подписал с Пилсудским договор, согласно которому «Украинская Народная республика» уступала Польше Галицию и ряд дру-

гих областей – до границ 1772 года! За это Польша бралась восстановить власть Директории на Украине. Текст договора можно прочесть в 5-м томе изданных в 1989 г. в Варшаве документов Пилсудского.

Конечно, делая здесь упор на *цивилизационном* характере Гражданской войны в России, мы ни в коем случае не должны забывать назревшего в обществе социального («классового») конфликта – конфликта, связанного с происходившей в России борьбой экономических *формаций.* Вторжение капитализма подорвало старое сословное общество и его государственность. Пафос этого наступления был воплощен во время Гражданской войны в идеологии белых. Те силы, которые не принимали капитализма, но чувствовали необходимость модернизации, шли за красными. Выход из исторического тупика, в который зашла Россия в формационном конфликте начала XX века, эти силы видели в установлении социалистического советского строя – новой, но не капиталистической формации.

Однако никакого противоречия между цивилизационным и формационным планами в нашем рассмотрении не возникает. Л.А.Гриффен пишет:

> Каждый раз становление новой общественно-экономической формации сопровождалось также образованием новой «цивилизации», т.е. «общественно-экономическая формация» Маркса и «цивилизация» Тойнби представляют собой различные

стороны одного и того же социального организма, рассматриваемого преимущественно в первом случае в общественно-экономическом, а во втором в политико-культурологическом аспектах [4, с. 284].

Таким образом, советский строй возникал как новая общественно-экономическая формация и в то же время приобретал важные новые цивилизационные черты по сравнению с дореволюционной Россией.

Уникальность русской революции 1917 г. в том, что с первых ее дней в стране стали формироваться два типа государственности – буржуазная республика и Советская власть. Эти два типа власти были не просто различны по их идеологии, социальным и экономическим устремлениям. Они находились на двух разных и расходящихся ветвях цивилизации. То есть, их соединение, их «конвергенция» в ходе государственного строительства были невозможны. Разными были фундаментальные, во многом неосознаваемые идеи, на которых происходит становление государства, прежде всего представления о мире и человеке. Кстати сказать, поначалу особых идеологических различий между двумя типами власти и не было видно. Временное правительство не скупилось на «социалистическую» риторику.

Суть Октября как *цивилизационного* выбора отметили многие левые идеологи России и Европы. Лидер эсеров В.М.Чернов считал это воплощением «фантазий народников-максималистов», лидер Бунда М.И.Либер (Гольдман)

видел корни стратегии Ленина в славянофильстве, на Западе сторонники Каутского определили большевизм как *«азиатизацию* Европы». Стоит обратить внимание на это настойчивое повторение идеи, будто советский проект и представлявшие его большевики были силой Азии, в то время как и либералы-кадеты и даже марксисты-меньшевики считали себя силой *Европы.* Они подчеркивали, что их столкновение с большевиками представляет собой *войну цивилизаций.* Предвосхищая взгляды евразийцев, Н.Бердяев неоднократно и в разных вариациях высказывал, с примесью страха и отвращения, такую мысль: «Большевизм гораздо более традиционен, чем принято думать. Он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла русификация и ориентализация марксизма» [5, с. 89].

В этой книжке я буду приводить много выдержек из дневника писателя М.М.Пришвина, вовлеченного в гущу событий в деревне и в столицах[1]. Будучи крупным писателем, он был тесно связан с культурной средой, в том числе ее политически активной частью – Горьким, Блоком, Мережковским. С другой стороны, в начале 1917 г. он работал в Министерстве земледелия в отделе, ответственном за снабжение хлебом, и близко наблюдал развитие Февральской революции. Затем он поехал в деревню как делегат Временного комитета Государственной думы по Орловской губернии, где и про-

---

[1] Пришвин М. М. Дневники. 1914—1917,1918—1919, 1920—1922. М.: Московский рабочий.

вел основное время до Октября и годы Гражданской войны, наблюдая близко развитие взглядов и дела главных социальных действующих сил.

Когда летом 1917 г. начались крестьянские волнения, М.М.Пришвин проницательно записал в дневнике (5 июля), что либеральная революция потерпела крах, Россия пошла по какому-то совершенно иному пути:

> Елецкий погром – это отдаленный раскат грома из Азии, и уже этого удара было довольно, чтобы все новые организации разлетелись, как битые стекла.
>
> Эта свистопляска с побоями – похороны революции.
>
> Дни революции в Петрограде вспоминаются теперь как первые поцелуи единственного, обманувшего в юности счастья.

Еще более определенно оценили цивилизационный смысл Октябрьской революции западные традиционалисты. Вальтер Шубарт в своей известной книге 1938 г. «Европа и душа Востока» пишет:

> Самым судьбоносным результатом войны 1914 года является не поражение Германии, не распад габсбургской монархии, не рост колониального могущества Англии и Франции, а зарождение большевизма, с которым борьба между Азией и Европой вступает в новую фазу… Причем вопрос ставится не в форме «Третий рейх или Третий Интернационал» и не «фашизм или большевизм». Дело идет *о мировом историческом столкновении между*

континентом Европы и континентом России…

Сегодня Европа чувствует себя под серьезной угрозой русского большевизма. Если бы она пристальнее вгляделась в его облик, она обнаружила бы в нем свои собственные западные идеи, которые большевики лишь увеличили и огрубили до пародии,– идеи атеизма, материализма и прочий сомнительный хлам прометеевской культуры. То, чего Запад боится,– это не самих идей, а тех чуждых и странных сил, которые за ними мрачно и угрожающе вырисовываются, обращая эти идеи против Европы. Большевистскими властителями тоже руководит настроение противоположения Западу. То, что случилось в 1917 году, отнюдь не создало настроений, враждебных Европе, оно их только вскрыло и усилило. Между стремлениями славянофилов и евразийцев, между лозунгами панславизма и мировой революции разница лишь в методах, но не в цели и не в сути. Что касается мотивов и результатов, то все равно, будут ли призываться к борьбе славяне против немцев или пролетарии против капиталистов. В обоих случаях мы имеем дело с инстинктивной русской попыткой преодолеть Европу часть за частью, а затем и всю [6].

Западнические иллюзии начали очень быстро линять после Февраля даже в столицах. Разница между «февральской» и «горбачевской» демократиями заключается в том, что в 1917 г. людей реально поставили перед выбором, и в обществе возник *диалог*. Он шел непрерывно и в разных формах.

Дневники М.Пришвина (как, кстати, и записки И.Бунина), содержат множество эпизодов. Вот, у Пришвина, запись от 1 марта 1917 г.:

> Рыжий политик в очках с рабочим.
>
> Рыжий:
>
> – Так было везде, так было во Франции, так было в Англии и… везде, везде.
>
> Рабочий задумчиво:
>
> – А в России не было.
>
> Рыжий на мгновенье смущен:
>
> – Да, в России не было.– И потом сразу: – Ну что же…– И пошел, и пошел, вплоть до Эльзас-Лотарингии.

В целом за отведенный ему историей срок буржуазное государство кадетов и социалистов приобрести легитимности не смогло – фактически ни в какой крупной социальной группе России. Главные причины коренятся в сути самого проекта, а также в незрелости тех сил, что формировали Временное правительство. Из этого вытекали и внешние, политические причины. Вдохновители Февраля были *западниками,* их идеалом была буржуазная республика с опорой на гражданское общество и рыночную экономику – на то, чего в России не было. М.Вебер отмечал, что критерием господства «духа капитализма» является состояние умов рабочих, а не буржуа. В то время рабочие сохраняли мироощущение общинных крестьян – главного противника буржуазии в хо-

де буржуазных революций[2].

Сам идеал буржуазного государства был несовместим с устремлениями всех остальных, помимо буржуазии, классов и сословий России. Великий моралист Адам Смит определил его так:

> Приобретение крупной и обширной собственности возможно лишь при установлении Гражданского правительства. В той мере, в какой оно устанавливается для защиты собственности, оно становится, в действительности, защитой богатых против бедных, защитой тех, кто владеет собственностью, против тех, кто никакой собственности не имеет.

Насколько это было далеко от массовой мечты российского населения об обществе-семье! Вот 13 марта 1917 г. М.М.Пришвин повстречал в банке старика-купца из провинции:

> – Республика или монархия?
>
> – Республика, потому что сменить можно.
>
> – А как же помазанники?
>
> – В Писании сказано, что помазанники будут от Михаила до Михаила– последний Михаил, и кончились.

---

[2] М.М.Пришвин, близкий к либералам и эсерам, писал незадолго до революции, что «рабочие – посланники земли»: «Характерно для нашего движения, что рабочие в массе сохраняют деревенскую мужицкую душу. Пример Алекс. Вас. Кузнецов: он 25 лет был в Петербурге и вернулся к земле на свой хутор более мужиком, чем настоящие мужики; за это время мужики в деревне более подверглись влиянию города, чем он в городе».

> А теперь настало время другое, человек к человеку должен стать ближе, может быть, так и Бога узнают, а то ведь Бога забыли.

Не к гражданскому обществу свободных индивидов стремились люди после краха сословной монархии, а к христианской коммуне (обществу-семье). В столкновении этих двух разных образов будущего – то семя, из которого, к общему горю, выросла Гражданская война.

Два типа государственности, ставших врагами

Известно, что «классическая» гражданская война может возникнуть в двух случаях: или когда раскалывается примерно пополам армия и на одной территории возникают две разные враждебные государственности, или когда возникает неформальная вооруженная сила, по мощи сравнимая с армией. Первый случай был в Испании в 1936 г. Если армия переходит на сторону мятежников как целое, происходит не война, а переворот, как в Чили в 1973 г.

В России после распада армии в 1917 г., когда солдаты вернулись по домам с оружием, возникла комбинация обоих типов ситуации, чреватой гражданской войной. При этом надо помнить исторический факт – развал армии, ставший важной предпосылкой Гражданской войны, был произведен либеральным Временным правительством. 16 июля 1917 г. Деникин заявил в присутствии Керенского: «Когда повто-

ряют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие… Развалило армию военное законодательство последних месяцев». Как писал генерал А.М.Зайончковский, автор фундаментального труда о Первой мировой войне, «армия развалилась при деятельной к этому помощи обоих неудачных революционных министров Гучкова и Керенского» [7, с. 177].

Надо сказать, что либерально-буржуазные политики, пришедшие к власти в результате Февральской революции, не могли не развалить армию царской России, как один из главных институтов монархической государственности. Сам ее «культурный генотип» был несовместим с мировоззрением и цивилизационными установками либералов-западников. В этом плане особенно красноречивы действия А.И.Гучкова, ставшего военным министром Временного правительства. Он был человеком умным и решительным, близким к армии и имевшим очень высокий авторитет среди офицерства и генералитета. Тем не менее он, следуя логике процесса, давал распоряжения и приказы, разрушавшие армию (например, за март было уволено около 60% высших офицеров). Правда, он объяснял это тем, что «мы не власть, а видимость власти, физическая сила у Совета рабочих и солдатских депутатов». Но баланс сил – лишь видимая часть проблемы. Министр финансов и затем министр иностранных дел Временного правительства М.И.Терещенко впоследствии сказал:

> Будущие историки, знакомясь с историей нашей революции, действительно с изумлением увидят, что в течение первых ее месяцев, в то время, когда во главе военного ведомства стоял человек, который, вероятно, более всех других штатских людей в России и думал, и мыслил об армии, и желал ей успеха, поставил свою подпись под рядом документов, которые несомненно принесли ей вред [7, с. 119].

Дело было в том, что революционный процесс в самой армии шел столь же стихийно, как и в других частях общества, и либералы могли лишь пытаться в какой-то мере взять его под свой контроль, не выступая прямо против этого процесса. Например, выехав 5 апреля на фронт, военный министр был поражен тем, что генералы подумывали о том, чтобы вступить в партию эсеров, тогда самую популярную. Он писал:

> Такая готовность капитулировать перед Советом даже со стороны высших военных, делавших карьеру при царе, парализовала всякую возможность борьбы за укрепление власти Временного правительства [7, с. 121].

Таким образом, министр Временного правительства с самого начала говорит о взаимоотношениях с Советами в терминах *войны*. На этом надо остановить внимание, потому что уже начиная с Февраля политиками, не принявшими цивилизационный вектор советского проекта, создавался весь

механизм Гражданской войны. Она просто находилась в латентном, «инкубационном» периоде. Один из кандидатов на должность военного министра во Временном правительстве полковник Б.А.Энгельгардт писал в марте 1917 г.:

> Чтобы остановить развивающееся движение, есть лишь одно средство: окунуть руки по локоть в крови, но в настоящую минуту я не вижу для этого ни возможностей, ни охотников [7, с. 122].

Конечно, рассуждение полковника нелогично – как может быть *средством* то, к применению чего нет *возможностей!* Для нас здесь важна именно констатация непримиримого конфликта между Временным правительством и стихийным движением масс. Этот конфликт перерос в Гражданскую войну именно тогда, когда «дети Февраля» получили для этого возможности и собрали «охотников». В их среде изначально существовала установка на Гражданскую войну.

Уже в Феврале в России возникло два типа государства, каждый из которых представлял особый цивилизационный путь – буржуазно-либеральное *Временное правительство* и «самодержавно-народные» *Советы.* Поначалу они сотрудничали, хотя столкновения начались быстро. И кадеты, и правые либералы были едины в своей ориентации на Запад и в намерении продолжать войну. В апреле военный министр А.И.Гучков заявил на большом совместном заседании правительства, Временного комитета Госдумы и Исполкома Петроградского Совета: «Мы должны все объединиться на

одном – на продолжении войны, чтобы стать равноправными членами международной семьи».

В ответ 21 апреля в Петрограде прошла демонстрация против этой политики правительства, и она была обстреляна – впервые после Февраля. Как писали, «дух Гражданской войны» повеял над городом [7, с. 124]. Потом, к октябрю, Советы взяли верх, а структуры буржуазной государственности перебрались на периферию и стали готовиться к мятежу в союзе с интервентами с Запада. Активная часть офицерства бывшей армии раскололась примерно поровну.

Как «созревали» для войны оба типа государства? Историки (например, В.О.Ключевский) еще с 1905 г. предупреждали, что попытки сразу перейти от монархии к «партийно-политическому делению общества при народном представительстве» будут обречены на провал, но кадеты этого не поняли. В августе 1917 г. М.В.Родзянко говорил: «За истекший период революции государственная власть опиралась исключительно на одни только классовые организации… В этом едва ли не единственная крупная ошибка и слабость правительства и причина всех невзгод, которые постигли нас». Иными словами, буржуазная государственная надстройка, будь она принята обществом, стала бы его раскалывать по классовому принципу, как это и следует из теории Гражданского общества.

В отличие от этой буржуазно-либеральной установки, Советы (рабочих, солдатских и крестьянских) депутатов фор-

мировались как органы не классово-партийные, а *общинно-сословные,* в которых многопартийность постепенно вообще исчезла. Эсеры и меньшевики, став во главе Петроградского совета, и не предполагали, что под ними поднимается неведомая теориям государственность крестьянской России, для которой монархия стала обузой, а правительство кадетов – недоразумением.

На уровне государства Советы были, конечно, новым типом, но на уровне самоуправления это был именно традиционный тип, характерный для аграрной цивилизации,– тип военной, ремесленной и крестьянской демократии до-индустриального общества. Либералы-западники видели в этом архаизацию, даже «азиатизацию» России, возрождение ее древних архетипов, лишь прикрытых позднефеодальными и буржуазными наслоениями. М.М.Пришвин записал в дневнике 29 апреля 1918 г.: «Новое революции, я думаю, состоит только в том, что она, отметая старое, этим снимает заслон от вечного, древнего».

В России Советы вырастали именно из крестьянских представлений об идеальной власти. Исследователь русского крестьянства А.В.Чаянов писал: «Развитие государственных форм идет не логическим, а историческим путем. Наш режим есть режим советский, режим крестьянских советов. В крестьянской среде режим этот в своей основе уже существовал задолго до октября 1917 года в системе управления кооперативными организациями».

Становление системы Советов было процессом «молекулярным», хотя имели место и локальные решения. Так произошло в Петрограде, где важную роль сыграли кооператоры. Еще до отречения царя, 25 февраля 1917 г., руководители Петроградского союза потребительских обществ провели совещание с членами социал-демократической фракции Государственной думы в помещении кооператоров на Невском проспекте и приняли совместное решение создать Совет рабочих депутатов – по типу Петербургского совета 1905 г. Выборы депутатов должны были организовать кооперативы и заводские кассы взаимопомощи. После этого заседания участники были арестованы и отправлены в тюрьму – всего на несколько дней, до победы Февральской революции.

Поначалу обретение Советами власти происходило даже вопреки намерениям их руководства (эсеров и меньшевиков). Никаких планов сделать советы альтернативной формой государства у создателей Петроградского совета не было. Их целью было поддержать новое правительство снизу и «добровольно передать власть буржуазии».

Говоря о становлении после февраля 1917 г. советской государственности, все внимание обычно сосредоточивают именно на Советах, даже больше того – на Советах рабочих и солдатских депутатов («совдепах»). Но верно понять природу Советов нельзя без рассмотрения их низовой основы, системы трудового *самоуправления,* которая сразу же стала складываться на промышленных предприятиях. Ее ячейкой

был *фабрично-заводской комитет* (фабзавком). Развитию этой системы посвящена очень важная для нашей темы книга Д.О.Чуракова «Русская революция и рабочее самоуправление» (М., 1998).

В те годы фабзавкомы возникали и в промышленности западных стран, и очень поучителен тот факт, что там они вырастали из средневековых традиций цеховой организации ремесленников, как объединение индивидов в корпорации, вид ассоциаций гражданского общества. А в России фабзавкомы вырастали из традиций крестьянской общины. Из-за большой убыли рабочих во время мировой войны на фабрики и заводы пришло пополнение из деревни, так что доля «полукрестьян» составляла до 60% рабочей силы. Важно также, что из деревни на заводы теперь пришел середняк, составлявший костяк сельской общины. В 1916 г. 60% рабочих-металлистов и 92% строительных рабочих имели в деревне дом и землю. Эти люди обеспечили господство в среде городских рабочих общинного крестьянского мировоззрения и общинной самоорганизации и солидарности.

Фабзавкомы, в организации которых большую роль сыграли Советы, быстро сами стали опорой Советов. Прежде всего, именно фабзавкомы финансировали деятельность Советов, перечисляя им специально выделенные с предприятий «штрафные деньги», а также 1% дневного заработка рабочих. Но главное, фабзавкомы обеспечили Советам массовую и прекрасно организованную социальную базу, причем в

среде рабочих, охваченных организацией фабзавкомов, Советы рассматривались как безальтернативная форма государственной власти. Общепризнана роль фабзавкомов в организации рабочей милиции и Красной гвардии.

Именно там, где были наиболее прочны позиции фабзавкомов, возник лозунг «Вся власть Советам!». На заводе Михельсона, например, это требование было принято уже в апреле, а на заводе братьев Бромлей – 1 июня 1917 г. На заводах и фабриках фабзавкомы быстро приобрели авторитет и как организация, поддерживающая и сохраняющая производство (вплоть до поиска и закупки сырья и топлива, найма рабочих, создания милиции для охраны материалов, заготовки и распределения продовольствия, налаживания трудовой дисциплины), и как центр жизнеустройства трудового коллектива. В условиях революционной разрухи их деятельность была так очевидно необходима для предприятий, что владельцы в общем шли на сотрудничество (67% фабзавкомов финансировались самими владельцами предприятий). Как писал печатный орган Центрального союза фабзавкомов «Новый путь», «при этом не получится тех ужасов, той анархии, которую нам постоянно пророчат.... Отдельные случаи анархических проявлений так и остаются *отдельными»*.

По своему охвату функции фабзавкомов были столь широки, что они сразу стали превращаться в особую систему самоуправления, организованного по производственному при-

знаку (в этом, среди прочего, и их коренное отличие от аналогичных комитетов западных стран). Вот некоторые примеры. В конце августа 1917 г. комитет Шуйской мануфактуры постановил: «Открыть прачечную для рабочих своей фабрики со всеми удобствами для стирки.... Просить правление о расширении школы, ввиду того, что не хватает мест для детей рабочих всей фабрики». На заводе Михельсона при завкоме была культурная комиссия с театральной, библиотечной и лекционной секциями. Занимались фабзавкомы проблемами гигиены труда и охраны здоровья рабочих. Вот, например, объявление рабочего комитета Иваново-Вознесенской мануфактуры в начале осени 1918 г.:

> Ввиду усиленной эпидемии заболевания ОСПОЙ среди рабочих нашей фабрики, где уже зарегистрировано более 30 случаев заболевания среди взрослых рабочих, предлагаем всем желающим принять прививку.... Товарищи! Для скорейшей борьбы с этой нежелательной гостьей убедительно просим не уклоняться от прививки, т.к. прививка за собой не несет никакой особенной боли на руке [2, с. 43].

В августе – сентябре 1917 г. стали частыми случаи взятия фабзавкомами управления предприятием в свои руки. Это происходило, когда возникала угроза остановки производства или когда владельцы отказывались выполнять те требования, которые фабзавком признавал разумными. В случаях, когда фабзавком брал на себя руководство фабрикой, от-

страняя владельца, обычно принималось постановление: никаких особых выгод из этого рабочим не извлекать. Весь доход после выплаты зарплаты и покрытия расходов на производство поступал в собственность владельцев предприятия [2, с. 55].

В целом, как сказал на I Всероссийской конференции фабзавкомов, в ответ на обвинения их в соглашательстве с капиталистами, видный организатор этого движения Н.А.Скрыпник, «путем вмешательства в хозяйственные дела предприятия рабочие борются с *определенной системой,* системой *экономического взрыва* революции» [2, с. 52]. Принцип «чем хуже, тем лучше» был абсолютно несовместим с советским мировоззрением. При этом ценностные ориентации фабзавкомов были определенно антибуржуазными, и именно их позиция способствовала завоеванию большевиками большинства в Советах.

Важно то, что эта антибуржуазность органов рабочего самоуправления была порождена не классовой ненавистью, а именно вытекающей из мироощущения общинного человека ненавистью к классовому разделению, категорией не социальной, а цивилизационной. Фабзавкомы предлагали владельцам стать «членами трудового коллектива», войти в «артель» – на правах умелого мастера с большей, чем у других, долей дохода (точно так же, как крестьяне в деревне, ведя передел земли, предлагали и помещику взять его трудовую норму и стать членом общины). Ленин писал об организо-

ванном в рамках фабзавкома рабочем: «Правильно ли, но он делает дело так, как крестьянин в сельскохозяйственной коммуне» [см. 2, с. 86]. И всякое согласие представителей бывших привилегированных сословий находило отклик.

Вот пример. В завком большого Тульского оружейного завода поступила, уже зимой 1918 г., письменная просьба протоирея Кутепова – собрать с рабочих отчисления на нужды собора, поскольку большинство молящихся в соборе были рабочими этого завода. Завком постановил:

> Ввиду отделения церкви от государства и возложения обязанности содержания причтов и храмов на основаниях добровольных отчислений, признать для заводского комитета невозможным предлагать рабочим завода делать процентные отчисления на нужды Успенского собора и предложить причту Успенского собора непосредственно обратиться со своей просьбой к посещающим собор». Однако, учитывая, что «церковь завода самая древняя в Туле, основана в 1649 году и представляет собой памятник старины», а также то, что «причт работает не только в самой церкви, но и непосредственно в мастерских», завком решил «выделить ему оплату как всякому служащему [2, с. 126—127].

Из материалов, характеризующих устремления, идеологические установки и практические дела фабзавкомов в Центральной России, где ими было охвачено 87% средних предприятий и 92% крупных, определенно следует, что рабочие

уже с марта 1917 г. считали, что они победили в революции и перед ними открылась возможность устраивать жизнь в соответствии с их представлениями о добре и зле. В постановлениях фабзавкомов, многие из которых написаны эпическим стилем, напоминающим крестьянские наказы и приговоры, нет абсолютно никакой агрессивности, а видна спокойная и даже радостная сила. Рабочие именно предлагали мир и братство и надеялись на эту возможность. Здесь не мог зародиться дух войны. Но когда войной на саму возможность справедливого жизнеустройства пошел с Юга союз всяческих господ, то именно эти рабочие и составили костяк Красной Армии. И их поход стал походом не против экономической эксплуатации, а против *зла.*

Чтобы понять суть конфликта в Гражданской войне и его глубину, надо вспомнить, что с самого начала организованного этапа борьбы она рассматривалась и рабочими, и крестьянами как *народное дело.* Они не считали ее ни бунтом, ни «политикой» – чисто западным явлением борьбы классов и групп за свои интересы. Народное святое дело!

Когда после Кровавого воскресенья, 29 января 1905 г., была учреждена комиссия для рассмотрения, совместно с промышленниками, требований рабочих («комиссия Шидловского»), то выдвижение политических требований на этой комиссии заранее было объявлено неприемлемым. Рабочие с этим согласились. Вот как они давали наказы своему представителю:

Ты там в комиссии-то насчет политики не больно… Ну ее к лешему! – О политике? Да Боже меня сохрани, но чтобы свободу слова дали… И нужно еще будет сказать, чтоб арестованных выпустили. Еще я думаю,– сказать, чтоб наши заседания в газетах печатались и все полностью, конечно… Нужно, мол, нам свободу союзов, собраний, а самое главное, свободу стачек… Насчет государственного страхования…– Не забудь чего-нибудь… Как сегодня все говорили, так там и валяй… А политики не нужно [8, с. 75][3]

А вот опубликованная в то время запись одного разговора, который состоялся весной 1906 г. в вагоне поезда. Попутчики спросили крестьянина, надо ли бунтовать. Он ответил:

– Бунтовать? Почто бунтовать-то? Мы не согласны бунтовать, этого мы не одобряем… Бунт? Ни к чему он. Наше дело правое, чего нам бунтовать? Мы землю и волю желаем… Нам землю отдай да убери господ подале, чтобы утеснения не было. Нам надо простору, чтобы наша власть была, а не господам. А бунтовать мы не согласны.

Один из собеседников засмеялся:

– Землю отдай, власть отдай, а бунтовать они не согласны… Чудак! Кто же вам отдаст, ежели вы только желать будете да просить… Чудаки!.

На это крестьянин ответил, что за правое дело народ

---

[3] Кстати, комиссию в результате правительство созывать не стало, что привело к новой волне забастовок.

«грудью восстанет, жизни своей не жалеючи», потому что, если разобраться по совести, это будет «святое народное дело» [9, с. 19].

Другой важный момент, который высвечивает история рабочего самоуправления в 1917 г., состоит в том, что появление фабзавкомов вызвало весьма острый мировоззренческий конфликт в среде социал-демократов, а после Октября и в среде большевиков. Меньшевики, ориентированные ортодоксальным марксизмом на опыт рабочего движения Запада, сразу же резко отрицательно отнеслись к фабзавкомам как «патриархальным» и «заскорузлым» органам. Они стремились «европеизировать» русское рабочее движение по образцу западноевропейских профсоюзов. Поначалу фабзавкомы (в 90% случаев) помогали организовать профсоюзы, но затем стали им сопротивляться. Например, фабзавкомы стремились создать *трудовой коллектив,* включающий в себя всех работников предприятия, включая инженеров, управленцев и даже самих владельцев. Профсоюзы же разделяли этот коллектив по профессиям, так что на предприятии возникали организации десятка разных профсоюзов из трех-четырех человек.

Часто рабочие считали профсоюзы чужеродным телом в связке фабзавкомы – Советы. Говорилось даже, что «профсоюзы – это детище буржуазии, завкомы – это детище революции». В результате к середине лета 1917 г. произошло размежевание – в фабзавкомах преобладали большевики, а

в профсоюзах меньшевики. III Всероссийская конференция профсоюзов (21-28 июня 1917 г.) признала, что профсоюзы оказывают на фабзавкомы очень слабое влияние и часто на предприятиях просто переподчиняются им. Д.О.Чураков пишет:

> В реальности, происходившее было во многом не чем иным, как продолжением в новых исторических условиях знакомого по прошлой российской истории противоборства традиционализма и западничества. Соперничество фабзавкомов и профсоюзов как бы иллюстрирует противоборство двух ориентации революции: стать ли России отныне «социалистическим» вариантом все той же западной цивилизации и на путях государственного капитализма двинуться к своему концу или попытаться с опорой на историческую преемственность показать миру выход из того тупика, в котором он оказался в результате империалистической бойни [2, с. 85].

После Октября конфликт марксистов с фабзавкомами обострился и переместился в ряды большевиков, часть которых заняла ту же позицию, что и меньшевики. Это выразилось в острой дискуссии по вопросу о рабочем контроле. Установка на государственный капитализм не оставляла места для рабочего самоуправления. Ленин с большим трудом провел резолюцию в поддержку рабочих комитетов, но пересилить неприязни к ним влиятельной части верхушки партии не смог.

Д.О.Чураков пишет об этой «неосознанной борьбе с национальной спецификой революции»:

> Свою роль в свертывании рабочего самоуправления сыграли и причины доктринального характера. Если проанализировать позицию, которую занимали Арский, Гросман, Трахтенберг, Вейнберг, Зиновьев, Троцкий, Рязанов, Ципирович, Лозовский, Энгель, Ларин, Гастев, Гольцман, Вейцман, Гарви и многие другие, станет ясно, что многие деятели, самым непосредственным образом определявшие политику по отношению к рабочему самоуправлению, не понимали специфики фабзавкомов как организаций, выросших на российских традициях трудовой демократии, не разбирались, в чем именно эти традиции состоят [2, с. 166].

После Октября, особенно когда дело стало двигаться к Гражданской войне, вся советская часть России стала сдвигаться к военному коммунизму (превращаться в «военный лагерь») с неизбежной централизацией и огосударствлением. Рабочее самоуправление было свернуто, выбор власти был сделан в пользу управляемых из центра профсоюзов. Однако в дальнейшем, в процессе индустриализации, когда на стройки и на заводы пришла крестьянская молодежь, профсоюзы все же приобрели сущность *фабзавкомов.* Они не разделяли работников завода по профессиям, а всех объединяли в один трудовой коллектив. Конечно, если бы этот процесс шел не стихийно и осознавался не на интуитив-

ном уровне, а с пониманием национальной цивилизационной специфики, было бы меньше издержек и в 30-е годы, и не произошло бы катастрофы 90-х годов.

Но вернемся к 1917 году. Та сила, которая стала складываться после Февраля сначала в согласии с Временным правительством, а потом и в противовес ему и которую впоследствии возглавили большевики, была выражением массового *стихийного* движения. Идейной основой его был не марксизм и вообще не идеология как форма сознания, а народная философия более фундаментального уровня. Сила эта по своему типу не была и «партийной». Иными словами, способ ее организации был совсем иным, нежели в западном гражданском обществе. Ленин летом 1917 г. в работе «Русская революция и Гражданская война» писал:

> Что стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустранимости, это несомненно. Почвенность пролетарской революции, беспочвенность буржуазной контрреволюции, вот что с точки зрения стихийности движения показывают факты.

В этом и заключается кардинальная разница между большевиками, которые были частью глубинного народного движения, помогая строить его культурную матрицу, и их противниками и оппонентами, в том числе в марксизме, которые воспринимали это глубинное движение как своего врага, как бунт, как отрицание революции – как *контрреволю-*

цию. М.М.Пришвин записал в дневнике 21 сентября 1917 г.: «Этот русский бунт, не имея в сущности ничего общего с социал-демократией, носит все внешние черты ее и систему строительства».

Конечно, в этой быстрой записи автор не точен – как может не быть *«в сущности ничего общего»* у двух общественных явлений, если они имеют одинаковые внешние черты (форму) и «систему строительства»! Напротив, здесь подмечено как раз наличие глубокого взаимодействия, синтеза русской революции и социал-демократии (большевизма). Но главный смысл этого наблюдения М.М.Пришвина все же в том, что революция накануне Октября уже воспринималась либеральной интеллигенцией как русский бунт – явление стихийное и враждебное программе Февраля. 10 октября 1917 г. М.М.Пришвин дописал:

> Теперь всюду и все говорят о революции как о пропащем деле и не считают это даже революцией.
>
> – Неделю,– скажут,– была революция или так до похорон (то есть до похорон жертв революции 23 марта 1917 г.– *С.К.-М.),* а потом это вовсе не революция.

Понятно, что для Пришвина *«всюду и все»* означает ту петроградскую либеральную публику, в которой он в тот момент вращался.

Принимая от большевизма формы и «систему строительства», народная революция, конечно, наполняла их существенно новым содержанием. Так произошло, например, с

понятием «диктатура пролетариата». К этому понятию, почерпнутому из марксизма, крестьяне были подготовлены самой их культурой. Она воспринималась русскими людьми как диктатура тех, кому нечего терять, кроме цепей,– тех, кому не страшно постоять за правду. Н.А.Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» писал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.